

В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ

ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ

О СЕРГЕЕ КУНЯЕВЕ

Он только что приехал в Переделкино. Приехал на электричке. Машины у него нет.

Как всегда, легко одет, с громкой речью и широкими жестами, никогда не скрывавшими ни его доброго сердца, ни тайной застенчивости. Порывистый, пылкий, как всегда спешащий по делам Серёжа, наш семинарист из критического семинара, который когда-то мы вели с Анатолием Ланщиковым. Последние годы, с небольшими паузами, он присылал мне написанные им биографии Есенина (писал вместе с отцом), Павла Васильева, Николая Клюева. А недавно прислал мне два сборника статей – Юрия Селезнёва и Анатолия Ланщикова. Собрал сам, восстановил и вернул в жизнь.

В этот приезд на мой стол легли ещё два издания: “Классика и мы. Дискуссия на века” и “Татьяна Глушкова: о “русскости”, о счастье, о свободе”. На заднюю обложку этой книги он вынес стихи Глушковой:

*Когда не стало родины моей,
В ворота ада я тогда стучала:
Возьми меня!.. А только бы востала
Страна моя из немощи своей.*

1992

Это стихотворение я целиком прочитал на телевидении в передаче о Савелии Ямщикове, от которого впервые и услышал их.

В своих изданиях Сергей воссоздал то, что, казалось бы, ушло, стёрлось временем, и оказалось, что это самое нужное, может быть, нужнее остального.

Какой всплеск благодарности! Какой труд! И какая высота одержимости!

Когда он явился к нам на семинар, мы сразу почувствовали, что в наши ряды вписался незаурядный характер, человек воли и знания пути, по которому он пойдёт.

И пошёл.

Открытый до пугающей откровенности, оказался одновременно и тем, в ком страстность, стихая, уходила внутрь и где рождалась его личность.

Эта страстность осталась в нём и сейчас, и в минуту разговора я почувствовал это и услышал, как моё сердце откликается на ускоренный ритм его сердца. Сердца чистого, чуткого и доверчивого и готового к самоотдаче.

Я читал книги Сергея, и мне открывалась бескрайняя, как Россия, поэзия начала двадцатого века. Он прошёл по нему, как Орфей, спев каждому, кто эту поэзию создал, песнь, подобную поклону у стены алтаря.

Конечно, он родился поэтом. Поэтом исследовательского слова, слышащего музыку стиха, его дыхание и его загадку, которая не застывает на месте, а уходит в бесконечность.

Он работает и как поэт, и как историк, как архивист, дрожащий над каждым отрывком документа. Его язык ясен. Его отличает придирчивый отбор слов, совпадающих со строгостью отбора фактов.

Полемика? Да. Но полемика без злости, а с желанием понять оппонента и, не уступая ему, заставить его слушать.

Сын знаменитого отца (Станислава Куняева), он не стал капризным отроком, в ком лестное мнение о себе превышает его дарование. Он вышел на свой путь, и этот путь принял его, открыв перед ним даль, которая открывается не каждому.

Его поколение пришло к нам без гнёта ложных идей и ложной “научности”, без ожесточения и обиды. Это поколение выбрало для себя одного Учителя, о котором Николай Семёнович Лесков, когда читатели называли его учителем, сказал: “Учитель у нас один”.

Думаю, не стоит объяснять, кого он имел в виду.

Сергей Куняев живёт и пишет под этой звездой. Пишет и живёт нешумно, не на показ, а по велению, далеко уводящему его от игр литературы.

И потому он покоряет и увлекает, конечно.

У Сергея юбилей. Я поздравляю его с не зря прожитыми годами и желаю ему жить долго, ибо знаю, что очередной труд, требующий нелёгких затрат души, уже собирается в папках, выписках, в листках набросков на его столе.

Удачи тебе, Серёжа.

*15 апреля 2017 г.
Переделкино*

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

КНИГА СВОЕ ДОКАЖЕТ

Широко бытующий в научной среде “академический” пошиб знаменовать даже промежуточные юбилеи своих почтенных коллег научными конференциями, сборниками статей, посвященных чествуемому лицу, с не переменным перечнем всех до единой опубликованных им книг, статей, брошюр и проч. (как будто все-все до единой не полиняли от времени), – этот моветон, доставшийся нам по наследству от советской поры, – прилипчивой льстивой чесоткой перебирается из научной среды и в литературную. Причем, здесь даже сроки чествований иногда прытко смещаются в сторону чего-то и кого-то совсем уж младого, незнакомого... Помню, однажды мелькнуло в писательском еженедельнике приглашение на вечер к поэту, решившему отметить уже и... 35-летний свой “юбилей” (не из опасения ли, что вдруг и он, подобно Пушкину, Лермонтову, Есенину и Рубцову, покинет сей мир, так и не вкусив первой круглой даты и чествования в Большом или хотя бы Малом зале ЦДЛ?).

Грешным делом, кто из нас – своим громким или даже тихим соучастием в приветственных кантатах по случаю таких или им подобных ранних “слав” – ни разу не отметился? Вот почему, узнав об участии, уготованной ныне и Сергею Куняеву, я нешуточно растерялся. Отчего, казалось бы? К молодым его никак уже не отнесешь. Один юбилей, помнится, уже позади. Но ведь и к маститым старцам тоже не причтешь. Как для кого, а для меня он – зрелый средовек. А значит, до большой години есть время и погодить.

Но уже и сегодня его имя вовсе не обязательно опираться, – а это многими по инерции делается, – на безусловно большое отчество. Дело не только в том, что Куняев-младший издавна самостоятелен в литературном поиске

и находках. Вспомнить хотя бы его книги “Жертвенная чаша”, “Русский беркут” или полновесно скомпонованные им однотомники Павла Васильева и Сергея Маркова.

Несмотря на безусловно счастливую событийность для него, как и для Станислава Юрьевича, Куняева-отца, их совместно выстраданной выдающейся диалогической книги о Сергее Есенине, не покидает, а раз от разу прирастает уверенность, что, не будь у них этого соавторства, — с его неминуемым, хотя на поверхности и непроявленным присутствием наставничества и ученичества, опыта и горячности, — всё равно сын в облике острожно напористого критика, а еще более в статусе пронизательного, цепкого, жилистого литературоведа в свой черед бы неминуемо состоялся.

Тому подтверждением — его вторая работа для серии “ЖЗЛ”, биография Николая Клюева. Здесь уже совершенно самостоятельный, иногда до отчаяния дерзкий вылет из отцова гнезда, “из лона отчего”, по слову Аполлона Григорьева. Материал труднейший, противоречивейший — и в чтении, а уж тем более в авторском преодолении. Герой жизнеописания то проваливается в невесть какую общелюдскую трясину, беззащитную даже от inferнальных наваждений, то, будто стряхнув с кожи и выметая из самой души наросшие коросты, высвобождается для чистейшего вдоха-вдохновения и почти херувимской песни... Почему-то кажется, Сергей Куняев будет еще возвращаться к напечатанному, с желанием что-то заново переписать, что-то стиснуть до сухой, всего в полстранички, констатации, а от чего-то напрочь отказаться, как от непостигнутой тайны, подвластной уже вовсе не людскому суду и решению. В любом случае, перед нами книга-поступок. Не удивлюсь, если однажды окажется, что он — поступок длящийся.

Каждому возрасту достаются свои, каких, казалось бы, и в природе вовсе не существует, испытания. Лишь бы хватало накопленного опыта, выдержки, чтобы в препоясанном облике встречать и самое непредвиденное. К примеру, не покажется ли пустяшным испытание столь сейчас лестной “славой” модных имён, с их всеэкранный раскрученностью, будто скомпом надиктованной из курирующей инстанции, когда вдруг подступит из тех же сфер испытание упорным, непробиваемым, как крепостная толща, тотальным умолчанием?..

“Наш современник”, где давно уже и неустанно трудится Куняев-младший, сейчас, как никогда, пожалуй, стоит на юру, на жёстких сквозных продувах. Слишком многие, нагнетая угрюмо-ухмыльное молчание, ждут не дождутся, что же будет дальше с “народным журналом”. Как долго удержит он свою привычную художественную и гражданскую статью, оказавшись без Белова и Распутина, без Кожина, Юрия Кузнецова, Михаила Лобанова. А значит, ждут, среди прочего, и еще одну обещанную книгу Сергея Куняева — о Вадиме Кожинове. Ведь не сокрыто же от всех сведущих, что Вадим Валерьянович в пору редакторства Куняева-старшего пребывал, по сути, мирским духовником журнала. От того, насколько твердо и недвусмысленно, даже на доктринальном уровне, не впадая ни в преувеличения, ни в скороговорку, обозначит биограф этот идеенный вклад своего героя, будет зависеть и ранг всей его книги. И, не в последней мере, дальнейшая судьба самого журнала.

ПЁТР КРАСНОВ

Оглядываясь на прошлое — своё и тех друзей своих, которых сохранило безжалостное время, — понимаешь, как нам, в сущности, повезло в непростых всегда обстоятельствах выбора жизненного дела и самого пути своего. Волею ли слепого случая, предназначения ли высшего или в меру собственных устремлений, но были мы в молодости своего рода зародышами того, что из нас могло выйти дельного — или не выйти... пробы пера, так сказать, пробы личности.

Именно тогда, в самом начале восьмидесятых, сошёлся я в числе многочисленных по молодости друзей-приятелей с Сергеем Куняевым, совсем ещё юным, но с неукротимой жадью познания всего и вся. Я был тогда уже “конченный” прозаик, но стал ходить с ним на камерные, всего с десяток человек, встречи с Арсением Тарковским, чрезвычайно интересным в общении, а следом и в студию критика Анатолия Ланщикова. Вообще же сам Центральный Дом литераторов был такой же, только большой студией и с научениями мно-

горазличными своими, и с соблазнами немалыми и опасностями, — какой и поднимал на крыло, а порою и губил литературные судьбы в самом зачатке. Роились там и сынки-дочки московских писателей, одолеть пытаясь высокий порог пресловутого закона, по которому талант во втором поколении якобы “отдыхает”, и совсем уж мало кому из них это удавалось...

Наверное, изрядная доля правды в этом неписаном законе была и остаётся — но не для Куняевых, не для Сергея. Его въедливость (назову это так), унаследованная от отца, в решении любой, не только литературной проблемы сразу отличала его от многих из стайки довольно ветреных, околотитературных ещё сверстников. Она, можно сказать, и стала основой его творческой личности — вместе с удивительной в таком возрасте эрудицией и тонким, выработанным “сыздетства” вкусом.

И далее, как я понимаю, всё было только за трудом саморазвития всех этих задатков и способностей, с чем он справился достойно, ни в чём не подводя своих учителей. В соавторстве с отцом написанная для ЖЗЛ книга о Сергее Есенине — лучшее, считаю, что я когда-либо читал о поэте, по полноте и документированной правде его драматической судьбы.

Но такие же насыщенные достовернейшими материалами и документами книги-исследования уже “сам себе хозяином” написал Сергей о Павле Васильеве и Николае Клюеве. Читая их, просто поражаешься тому, какой громадный объём архивных и прочих данных пришлось перелопатить ему, чтобы, по сути, воскресить то суровое время во всей полноте и противоречиях его, в трагическом и одновременно пассионарном изломе всей русской жизни, повернувшей в новую, никем ещё не испытанную реальность, на ходу строившей эту реальность — русский социализм... И, примеряя к себе этот труд собиранья и выстраивания сложнейшего контекста, удручённо думаю: нет, не потянул бы, ещё на дальних подступах в сомнения впал бы, отказался...

Вместе с другими работами эти книги составили своего рода энциклопедию литературной жизни страны 1900–1940 годов, настолько ёмко и ярко, историсофски осмысленно поднят в них и подан огромный пласт всяческих документов, писем, воспоминаний тех лет. Но мало было и этого, надо ещё и пропустить всё через себя, через умосердечное своё, “войти в резонанс” с высоким лиризмом тех наших исповедников Поэзии — и Сергей Куняев сделал это блестяще, выказав и своё собственное и незаурядное лирическое начало, столь редкое в литературоведении, критике вообще. И тем самым, я убеждён, вошёл в немногую ныне числом когорту лучших литературных исследователей у нас в стране, да, пожалуй, и в мире.

А потому календарный юбилей, никак не сообразующийся с молодой жизненной энергией, с творческим расцветом моего друга, — мой лично и наш общий праздник. И если что пожелать ему, то, конечно же, новых исследований и книг для нас, друзей, читателей его и почитателей. А всё остальное, слава Богу, у него есть.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ

“Русская революция явила собой грандиозный взрыв невиданных сил, прорвавших и размывших устои, некогда казавшиеся незыблемыми. В глазах русских художников она предстала как разгул той же могучей стихии, в которой трагически обнажились потаенные глубины человеческой природы — светлые, гуманистические начала и темные, звериные, идущие от первобытных инстинктов”. Эти строки из одной из первых критических работ Сергея Куняева о Сергее Есенине “Трагедия стихии и стихия трагедии” (“Жертвенная чаша”, М., “Голос-Пресс”, 2007) можно назвать провидческими и многое определившими в судьбе самого литературоведа — написанные о первой русской революции, они точно и ясно передают мироощущение конца XX — начала XXI века. Сергей Куняев как писатель окончательно сложился в труднейшие для России 1990–2000 годы — годы русской революции и русской смуты. Принадлежащий к поколению, которое по разным причинам долго не пускали в литературу, как писатель он выживал трудно, работал постоянно и каторжно, прекрасно понимая, что в сложившейся ситуации литератор может выжить

только вопреки всему. В мире, где унижалось и разрушалось русское, он писал о русском. В погранной России, которая в очередной раз шла на Голгофу, он встал на защиту России и писал о другой, отделенной от нас на столетие Русской Голгофе. Книги его не могли быть востребованы – но вопреки всему востребованы были. Работа “Сергей Есенин” Станислава Юрьевича и Сергея Станиславовича Куняевых сразу после выхода в свет в 1995 году стала самой популярной, самой шумной, самой восхваляемой единомышленниками и самой травимой оппонентами книгой, ибо Станислав и Сергей Куняевы доказательно, громко и неопровержимо сказали о Есенине то, о чем без малого столетие говорили шепотом и чего долгие годы ждали все. В 2005 году книга была названа лауреатом конкурса “115 лет ЖЗЛ” как самая популярная книга серии “Жизнь замечательных людей”. Десять лет непрерывного читательского интереса и читательской любви – любви, не ослабевающей до сих пор. В какой-то мере это литературоведческое исследование разделило судьбу Есенина, так что, даже не подозревая об этом, говорившие о своем великом герое авторы и о самих себе сказали точные и емкие слова: “Вокруг его имени и его стихов вот уже восемь десятилетий не смолкает шум. И кажется, что это продолжает шуметь он сам – вечный бунтовщик и крамольник, чудо природы, уникальная фигура в истории XX столетия. Будет шуметь, пока будет жива Россия”.

Всем литераторам известна истина – чтобы твои книги любили читатели, ты сам должен вложить в них огромное количество любви. Вот это качество я и назвала бы самым главным в творчестве Сергея Куняева. Рецензенты его книг единодушно отмечают высочайший профессионализм литературоведа, огромную проделанную им архивную исследовательскую работу, обилие новых фактов и уникальных документов, внимательную, скрупулезную проработку деталей. И все-таки каждая книга Сергея Куняева это прежде всего плод великой и безграничной любви – щедрой, долготерпящей, забывающей себя, готовой душу свою положить “за други своя” и добиться того, чтобы поэт, о котором взялось говорить исследователь, жил в русской литературе полноценной и живой жизнью. Наверное, именно поэтому работы эти настолько значимы, что многое в понимании русской литературы после прочтения книг Куняева меняется. Не только трагедия Есенина, очищенного от клеветы и грязи, после его литературоведческих изысканий впервые предстала в истинном свете. Впервые в русской литературе им было написано серьезное исследование о жизни и гибели одной из звезд первой величины на небосклоне русской поэзии – “русского беркута”, “русского азиата” Павла Васильева, органично, сильно и ярко продолжившего линию Клюева и Есенина и точно так же, как они – оболганного, затравленного и убитого. А уж о том, что Сергей Куняев сделал, чтобы в настоящем виде вернуть русской литературе оклеветанного, смешанного с грязью, *пострадавшего за Христа* Клюева – говорить не приходится. Сергей Куняев пишет о Клюеве как о самом большом поэте Серебряного века – и это минуя всем сердцем любимого им всенародного гения Есенина, всегда по праву считавшегося первым блистательного, бездонного, непостижимого в своих неотмирных глубинах Блока. Неприятия и возмущений такое заявление может вызвать множество. Но все же неумолимые факты говорят о том, что значимость *вести*, которую принес в русскую литературу своим творчеством Н. Клюев, бездонная глубина вложенных в его стихи *вечных смыслов*, пожалуй, не может сравниться ни с чем. Ибо что может быть важнее живого свидетельства о староверах, столетия молчаливо хранивших в своих сердцах *народного Христа*, за Христа страдавших и заговоривших наконец-то языком златоустого Николы? Явление в русской поэзии Николая Клюева подобно явлению града Китежа, всплывшего и тут же затопленного, возведенного на Крест, отправленного на смертную муку. “Для старовера сожжение Аввакума, основание Выговской обители, Соловецкое страстное сидение – это не история, – пишет С. Куняев. – В контексте Большого Времени, вбирающего в себя макрокосм отрезка в человеческую жизнь, – это все было вчера. Вчера Андрей Денисов в полемике с монахом Неофитом слагал “Поморские ответы”. Вчера же Семен Денисов тосковал по Выговской пустыне, будучи в заключении в Великом Новгороде: “Аще забуду тебе, Иерусалиме, аще забуду тя, святыи дом, преподобное вкupoжительство, забвена да будут пред Господом благожелания моя!..” И вчера же Иван Филиппов пел вели-

чальный гимн Святой Руси в “Истории Выговской пустыни”: “Я же российская украшающе златоплетенно пределы, земная совокупляху с небесными, человеки российской с самым Богом всепредсладце соединяю...” (“Николай Клюев”, М., “Молодая гвардия”, 2014). Не случайные слова — “в контексте Большого Времени”. Именно в контексте Большого Времени написаны все книги Сергея Куняева. Ибо пишет он не столько биографии, сколько *жития* поэтов — по серьезности взгляда, широте охвата исторического материала, глубине мысли, внутренней молитвенности, отрешенности от земных правд во имя высшей Небесной Истины все литературоведческие исследования Сергея Куняева перерастают рамки биографического жанра и перетекают в жанр пусть и светских, но все равно житий, ибо у каждого из его героев с точки зрения Большого Времени, а если точнее, с точки зрения Вечности жизнь однажды кончается и наступает *житие*. Да и сам С. Куняев по природе своего дара принадлежит к людям, остро чувствующим трагическое и подспудно стремящимся не к катарсису, но к кенозису — уподоблению Божественному Страданию Христа. Для него это главное внутреннее мерило, с которым соотносится его суд литературоведа, ибо даже при “отпадении от культа” русская литература является его порождением, а без соотнесенности с высокой точкой Креста и Воскресения, вокруг которой вращается последнее русское тысячелетие, и земное слово, и земное страдание бессмысленны. О грешных мучениках русской поэзии Сергее Есенине, Павле Васильеве, Николае Клюеве Сергей Куняев не только написал предельно честные светские *жития*, максимально приближенные к атмосфере ежесекундного поэтического творческого и мученического горения, не только с предельной болью и любовью постарался отмыть их от хулы, клеветы, грязи — он еще и *стоял у Креста* каждого из них — многогрешных русских соловьев, мучеников, убитых за земное поэтическое слово. Стоял на Русской Голгофе. Я думаю, судьба не случайно распорядилась так, что эти строки я пишу в Страстную седмицу. В эти дни не напишешь лишнего и суетного, а главная суть сделанного Сергеем Куняевым удивительным образом откликается великому смыслу этих дней. Не случайно и то, что свой шестидесятилетний юбилей Сергей Станиславович Куняев справляет в 2017-м, в год столетия трагических событий, безвозвратно повернувших ход истории, в год, когда Русская православная Церковь призывает молиться о новомучениках и размышлять о русской революции. О революции, о Русской Голгофе — вернее, об “окаянных годах” революции прошлой из “окаянных лет” революции нынешней — написаны все книги Сергея Куняева. Да и понятие “новомученики” включает в себя не только сонм святых, заплативших своей кровью за Россию. Это еще “тьмы, и тьмы, и тьмы” известных и неизвестных “разбойников на кресте” — обычных грешных людей, восставших против беззакония и “мерзости запустения” нахлынувших темных лет, претерпевших за любовь, за свет, и всей своею жизнью (а когда речь идет о поэтах — и лучшими своими строками) шептавших на Кресте: “Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем”. Вот о таких мучениках русского слова — литературоведский *триптих* Сергея Куняева. *Три* книги, замышлявшиеся и писавшиеся отдельно друг от друга и неизбежно слившиеся в одно свидетельство о мученических судьбах русского слова, русской революции и Русской Голгофе. Сам Сергей Куняев в одном из своих интервью пишет об этом так: “В результате получается целый триптих — Клюев, Есенин, Васильев. Он вырос самым естественным образом. Клюев благословил Есенина, был его поводырем и учителем и успел благословить и Павла Васильева” (“День литературы”, 2007, № 5). Что ж, благословлявший на творчество автор “Погорельщины” хорошо знал истинную природу земного поэтического слова: “К ним нет возвратного проселка, / Там мрак, изгнание, Нарым. / Не бойся савана и волка, — / За ними с лютой Серафим!”

Внутренне ориентирующийся на Большое Время, а точнее, на Вечность, Сергей Куняев имеет дерзновение и дерзость писать реальную, трагическую, многие десятилетия замалчивавшуюся историю русской литературы XX века. Историю жертвы, принесенной русскими писателями за Россию. Не случайно книга его избранных статей о литературе XX века называется “Жертвенная чаша”. Круг литературных интересов Куняева широк — это новокрестьянские поэты и Борис Корнилов, Ярослав Смеляков и Пимен Карпов, Сергей Марков и Николай Заболоцкий, а вслед за ними — наши опаленные лихолетьем, стоящие у Креста распинаемой России современники — Николай Тряпкин, Юрий

Кузнецов, Виктор Лапшин, прозаики Вера Галактионова и Николай Шипилов. Столь же закономерно и обращение Сергея Куняева к творческому наследию двух русских мыслителей, многое определивших в современном мировоззрении — вечным антагонистам на мелях малого времени и вечным единомышленникам в Большом Времени истории и литературы — Вадиму Кожину и Татьяне Глушковой.

...Высочайший профессионализм литературоведа и архивиста, редкие интеллект и патриотизм неизменно отмечают все рецензенты С. Куняева. А я бы еще назвала Сергея Куняева поэтом — и потому что при точности и густоте письма он неизменно поэтически вдохновенен и ярк в своем творческом полете, и потому что так глубоко прочесть и понять поэтов может только поэт. Неизбежно придется назвать С. Куняева прекрасным прозаиком — ибо эти напряженные, захватывающие, динамичные, наполненные жизнью повествования не только написаны прекрасным языком, но и композиционно построены по законам романа, а потому по всем канонам они явления русской прозы. И, наконец, невозможно не сказать о Сергее Куняеве как о мыслителе — потому что книги его не только движутся напряженной, ищущей, взыскующей мыслью, но и полны важнейших открытий — не только фактических, но и мировоззренческих. Все это делает книги Куняева не только ярким и значительным явлением в литературоведении, но и ярким, значительным, глубоким и полноправным явлением русской литературы и русской действительности, ибо глубиной и важностью поставленных вопросов и умением расслышать и донести до читателя биение и многоголосье живой жизни, в контексте Большого Времени увидеть события истории как произошедшие вчера — он далеко выходит за узкие рамки традиционного литературоведения.

Есть ли что-то, что для литератора важнее его собственного творчества? Для Сергея Куняева, безусловно, есть. Жизнь в русской литературе его любимых оболганных, оклеветанных, затравленных русских поэтов, прозаиков, мыслителей для него куда важнее его личных изысканий. И это право на жизнь своих героев он отстаивает ценой самоотречения, каждодневного подвига и каждодневного труда. Ведь за Голгофой всегда следует Воскресение. А за мученическими темными годами русской литературы — “Скучно слушать под Небесным древом / Взмах незримых крыл: / Не разбудишь ты своим напевом / Дедовских могил! //... Навсегда простер глухие длани / Звездный твой Пилат. / Или, Или, лама Савахвани, / Отпусти в закат” (С. Есенин) — всегда следует пасхальное в своей победоносной молодой радости и наполненности бытием “... Нам пока Вертинский ваш не страшен — / Чертова рогулька, волчья сыть. / Мы еще Некрасова знавали, / Мы еще “Калинушку” певали, / Мы еще не начинали жить” (П. Васильев). Вот для этого земного воскресения в русской литературе, для того, чтобы не распадалась “цепь времен”, для вечной памяти и вечного бытия работает Сергей Куняев. Сегодня я хотела бы поздравить блистательного русского литературоведа Сергея Станиславовича Куняева с шестидесятилетием и присуждением ему Большой литературной премии России — и пожелать многою лета, многих новых книг и высокого творчества. И еще раз напомнить его звучащие набатом слова из книги о Николае Клюеве, адресованные всем нам: “Сорвана пелена забвения... Теперь — настало время подлинного осмысления. Ради нашей духовной и душевной крепости. Ради нашего просветления. Ради нашего спасения, наконец”.

КОНСТАНТИН КОВАЛЁВ

ЧУТЬЕ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

О Сергее Куняеве, между строк...

Каждый раз вздрагиваю, когда на каких-нибудь литературных встречах или вечерах слышу за спиной его зычный призывной глас: “Константин, зддддддравствуй!”. Дальше обычно следует что-то вроде: “Написал что-то? Когда пррррринесешь в журнал?”... Голос Сергея Куняева нельзя перепутать ни с чьим другим. Так же, как и его почерк в качестве литературного критика и приверженность его к некоей своей, особой, им выбранной теме — защиты

и восстановления справедливости по отношению к некоторым забытым страницам отечественной истории и культуры. И не только забытым, но и известным, однако интерпретированным странным и непонятным образом, искаженным по фактам или идеологически.

К Сергею Куняеву (как к редкому из современников) можно и нужно добавить слово — борец. Он никогда не бывает спокойным. Если начинает писать что-то новое — он упорен и непререкаем. Если выступает или разговаривает на важную тему — то взволнован и даже горяч.

В писательском мире есть много характерных направлений, которые определяют путь творческого человека. Есть прозаики и поэты, публицисты и переводчики, есть драматурги и приверженцы к детской литературе, наконец. Сергея Куняева иногда называют критиком. Известно, что некоторые критики обижаются на это, ибо для них важнее слово “литературовед”. Но Сергей Куняев — не критик и не литературовед в лобовом понимании этих слов. Он всегда был на острие некоего жанра, который можно было бы определить как реабилитационная культурология, как реанимационная публицистика, как историко-литературное расследование с привлечением весомых доказательств, или как стирание белых пятен и установление новых фундаментальных основ в истории русской словесности.

Это мы видим в его многочисленных работах — книгах о Клюеве и Есенине, трудах о поэте Павле Васильеве (“Русский беркут”) или в выступлениях о философе Вадиме Кожинове. Сергей Куняев очень точно видит мысль Кожинова, его взгляды на литературу и жизнь. Мне это особенно заметно, ибо имел честь не только работать с Вадимом Валериановичем в ИМЛИ РАН, но и не единожды провести с ним несколько дней в разговорах о судьбе России. Все, что Куняев о нем пишет — свидетельство глубокого понимания его взглядов.

Даже когда Сергей Куняев поет романсы на стихи Фета, сопровождая себя на гитаре, — он все так же неповторим и узнаваем по голосу. Да и вообще, при упоминании фамилии Куняев что-то происходит в окружающем пространстве. Это сильная фамилия. Кто-то припомнит отца, а кто-то и сына. Но каждый — индивидуальность высокой пробы, держащая под присмотром форпост современной культуры на рубеже сражения против пошлости, безвкусицы и графомании. Сергей Куняев умеет создавать и понимать “слово и образ”, как это было присуще его тезоименитому герою — Сергею Есенину, чуждому нутром живой, могучий и непобедимый, народный русский язык.

С юбилеем, дорогой друг! Многая Лета и Слова!

АНДРЕЙ УБОГИЙ

РЫЦАРЬ С ПЕРОМ И ГИТАРОЙ

Незабываемое впечатление: я захожу к Сергею Куняеву в ту самую пору, когда он начал работу над книгой о Николае Клюеве. И вижу, что в квартире буквально шагу некуда ступить: всюду, где только возможно, лежат раскрытые книги, журналы, газеты. Ими заняты все горизонтальные поверхности — стол, подоконник, диван, пол, кресла и табуреты. Если бы можно было как-нибудь временно приклеивать книги к стенам и потолку — уверен, Сергей использовал бы и эту возможность. Непонятно, где хозяин находил место для самого себя — ведь ему, как ни крути, приходилось всё-таки иногда есть и спать.

— Это всё, что мне удалось разыскать о Клюеве, — пояснил Сергей. — Теперь надо всё это как-то освоить, обдумать — и на основе этого написать свою книгу.

В эту минуту я и осознал, до чего же “страшно громаден” труд настоящего историка литературы. И мне показалось: охватить и “поднять” это всё будет ничуть не легче — чем, скажем, натужиться и приподнять тот пятиэтажный кирпичный дом, в котором находится куняевская квартира.

Каким должен быть человек, дерзнувший взвалить на себя неподъемную эту работу — и не просто дерзнувший, а достойно выполнивший её? Помимо терпения и невероятной работоспособности, помимо ума, что вобрал в себя

неимоверное множество фактов, помимо редкостной – прямо-таки пылающей! – любви к русской литературе, такой человек должен быть ещё и отважен. Без отваги, без жертвенно-рыцарского порыва нельзя поднять те, доселе кровоточащие, пласты русской жизни и русской литературы, что поднимает Сергей Куняев.

В моих глазах он и внешне напоминает рыцаря, этакое современного Дон Кихота. Ему, жилистому и резкому, с его рычащим голосом и сверкающим взором, очень пошли бы рыцарские доспехи: какие-нибудь латы и поножи, шлем и забрало, меч и копьё. Сергей, кстати, свою авторучку – с которой он, кажется, не расстаётся круглые сутки – держит именно, как портативное рыцарское копьё. Когда он вскидывает её над плечом, направляя перо против неких, пока что незримых, врагов – так и кажется, что вот сейчас он пустит в галоп своего Россинанта и ринется в очередную битву.

Продолжу испанскую тему. Любовь Сергея Куняева к Федерико Гарсиа Лорке известна. Но многие ль знают, что, учась в московском университете, Сергей изучал испанский язык именно для того, чтобы читать любимого поэта в подлиннике? Он и сейчас – кто хочет, может проверить – готов без устали читать стихи Лорки по-испански. И я, как только вижу Сергея, тотчас вспоминаю: “Начинается плач гитары, разбивается чаша утра...”

Вот и без гитары Сергея Куняева мне трудно представить. Это воистину рыцарь с пером и гитарой; только под рокот гитары – или это лишь кажется мне? – вполне расправляются крылья его души. Но разве словами передашь это всё – хриплый голос, звон и дрожь струн, перебор быстрых пальцев по грифу – передашь тот огонь, то “дуэнде”, которым наполнен покоющий Сергей? А словом “дуэнде” испанцы называют то настоящее и неподдельное, чем живёт человек – то есть, по сути, его вечно рвущийся к небу и вечно томящийся дух.

А возраст – что возраст? Может быть, духу и легче, когда оковы телесного существования начинают мало-помалу ослабевать – когда долг перед собственным телом исполнен, и остаётся лишь долг пред самими собой? В конце концов, наши тела возвратятся, как им и положено, в землю и станут землёй – но останется Слово, которому рыцарски служит Сергей Куняев...

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

Человек бурного темперамента, совсем не склонный к меланхолии и пессимизму, в чём-то даже не очень собранный и организованный, Сергей Куняев всегда поражал меня блестящей памятью и терпеливой усидчивостью...

В отношении памяти: он знает огромное количество стихов наизусть, помнит многие, если не сказать прелегальные факты из жизни, творчества писателей, особенно поэтов, особенно Есенинского круга, а главное – способен говорить об этом с утра до вечера.

О чём бы ни начинался разговор с Сергеем Куняевым, он через пару минут сводится к жизни литераторов, в ход идут воспоминания, встречи с известными писателями, поэтами, произносятся цитаты. В “литературных” посиделках Сергей часто перетягивает “одеяло на себя”, но никогда не повторяется, всегда находятся новые факты, свидетельства из изыскательских работ литературной братии, оттенки, строки из судеб близких по жизни, по духу сотоварищей.

Его работы о Павле Васильеве, о Сергее Есенине и, конечно, огромный труд о жизни и творчестве Николая Клюева поражают изобилием материала, “нарытого” в разных архивах. Архивная работа очень непроста, она для глупбинных исследователей, для толковых биографий, совсем не для тех писаний, которые стряпают порой наши раскрученные авторы, когда факты биографии черпаются из одного-единственного сомнительного хранилища – интернета. Документ, подлинный документ, бумажный, писанный на старой машинке, а ещё лучше от руки чернильным пером – вот что важно и ценно исследователю, чтобы поймать подлинный факт и дух времени... Напомню, что Сергей Куняев над “своим” Клюевым трудился годы!

Незаменимый помощник отцу, поэту, публицисту, редактору Станиславу Юрьевичу Куняеву, Сергей оказывается в безусловно привилегированном положении: колоссальные литературные познания и опыт старшего Куняева захватывает в свою орбиту и сына. Именно творческий симбиоз оказался зримо

представлен в исследовании о Сергее Есенине. Да и библиографический справочник о творчестве С. Ю. Куняева тоже по-своему общий труд, большую часть которого взвалил на себя Сергей.

Книжник, исследователь, биограф поэтов Есенинской поры, Сергей Кунев не замкнут на Серебряном веке: он знает стихи многих современников, и не упускает случая что-нибудь процитировать из нашего знаменитого Юрия Кузнецова. В поведении Сергея Куняева, пожалуй, есть что-то схожее с Юрием Кузнецовым: такая же дерзость, прямолинейность в оценках того или иного произведения, неколебимость и полная уверенность в правоте этой оценки, такой же юношеский максимализм и полная отдача своему делу.

Сергею Куняеву – юбилей. Какие бы витиеватые слова ни придумывали на юбилей, смысл пожеланий неизменен: крепкого здоровья, творческих открытий, вдохновенных светлых строк! А ещё... Сергей отличается очень быстрой темпераментной походкой – просто не угнаться...

Не снижать с годами скорости, Сергей!

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

Знакомство с Сергеем Куняевым состоялось году этак в 1987-м в Телешовском доме на Покровском бульваре, где с 1981 года расположилось московское отделение ВООПИКа – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – и стало собираться общество молодых литераторов “Беседа”. Я тоже был туда приглашен и сразу обратил внимание на интересного критика и литературоведа, тощего, взъерошенного, производившего такой вид, что он залез в литературу и оттуда не вылезает, выглядывая лишь изредка в Божий мир, словно из-под ее одеяла. Поразило потрясающее знание наизусть любого стихотворения, о каком бы ни заходила речь. Это свойство Сережи и до сих пор восхищает меня. Ткни в любую строчку, и он тотчас накрутит продолжение, и до самого конца. И диапазон авторов энциклопедический, а не как у меня и многих других – того поэта люблю, его и учу наизусть, а этот противен, его и знать не хочу.

С тех бесед в обществе “Беседа” и началась наша дружба. Потом мы нередко встречались в ЦДЛ, в Малеевке, где тогда еще существовал дом творчества писателей и, собственно, собирались все те же “беседовцы”, в Коктебеле, в творческих поездках. В общем, часто. А когда он пришел работать в возглавляемый его отцом “Наш современник”, где я уже работал, дружба стала и сотрудничеством. С тех пор минуло уже немало лет, а Сергей все такой же – порывистый, взъерошенный, целеустремленный. Всегда приятно поговорить с ним об истории литературы, в которой он настоящий специалист, глубокий, широко эрудированный.

А в день юбилея хочется пожелать Сергею, чтобы он по-прежнему не старел, был все тем же горячим юношей и всегда оставался таким, какой он есть. Думается, это хорошая похвала.